

гочестивому автору античной философии и космогонии. Выступая против языческой эллинской науки, Косьма невольно сам обращается к этому источнику знаний и черпает оттуда аргументы в пользу своих теоретических построений. Впрочем, в этом отношении он не одинок — почти все византийские писатели, современники Косьмы, в той или иной степени в своих произведениях опирались на античную культуру²². Косьму скорее отличает от них ярко выраженный христианский прозелитизм, искреннее благочестие и непримиримость к язычникам.

«Христианская топография», несмотря на заимствования из эллинской науки, отнюдь не была детищем античного мирозерцания, а скорее знаменем рождения новой средневековой христианской литературы, хотя и несвободной от родимых пятен античности²³. Кроме того, «Христианская топография» была создана в Египте и во многом отражала влияния идей, порожденных персидско-несторианской культурной средой, привнесенных в империю с Востока. Этот восточный колорит отличает ее от многих других памятников византийской литературы того времени. Она во многом отражает столкновение двух борющихся на египетской почве богословско-философских течений: приверженцев монофиситской богословской доктрины, признающих пользу эллинской науки, и сторонников несторианского учения, враждебно относящихся к античному наследию. Противоречия «Христианской топографии» Косьмы Индикоплевста, естественно, были порождены той противоречивой переходной эпохой, в которую жил автор — эпохой гибели античной цивилизации и становления новой культуры средневекового общества.

З. В. Удальцова

A PAGE FROM BYZANTINE HISTORY

(Cosmas Indicopleustes and his *Topographia Christiana*)

Z. V. Udaltsova

The «Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes was written in the first half of the 6th century by a Greek merchant who had visited many lands, from Egypt, Sinai, East Africa to Ceylon, and possibly India. The *Topographia* is a valuable source on the history of the early mediaeval states in the eastern Mediterranean and the northern shores of the Indian Ocean. The author examines the world outlook of Cosmas, his notions about the shape of the world and his participation in ideological controversies in the complex era of transition from antiquity to the Middle Ages. A special section of the article is devoted to the history of the transmission of the *Topographia*.

²² З. В. Удальцова, Идеино-политическая борьба в ранней Византии, М., 1974, стр. 319—328; K. Oehler, Antike Philosophie und byzantinisches Mittelalter, Munich, 1969.

²³ A. Guillou, La Civilisation Byzantine, P., 1974, стр. 317, 344, 354; H. Hunger, Reich der Neuen Mitte: der christliche Geist der byzantinischen Kultur, Graz, 1965.

Ф. Ф. СОКОЛОВ И НАЧАЛО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ

Изучение античной истории окончательно складывается в России в преемственную научную дисциплину в первой половине XIX в. Завершение этого процесса было связано с формированием петербургской исторической школы в лице М. С. Куторги и его довольно многочисленных учеников. Сильными сторонами этого научного направления были убеждение в необходимости критического изучения истории и стремление познать общий ход ее развития, дать логически убедительное истолкование общим историческим процессам. При этом широко использовались прогрессивные идеи западноевропейской общественной мысли — французской романтической историографии (в особенности Ф. Гизо) и, в более общем плане, гегелевской философии¹.

Стремление к историческому синтезу составляло и сильную и слабую сторону школы М. С. Куторги. В ту пору историческая наука еще не располагала средствами для проведения широких обобщений, еще только была начата работа по основательному, критическому изучению исторических источников. Предстояло подвергнуть строгой проверке массу непроверенных сведений, удалить ложное и выявить истинное и таким образом расчистить поле и подготовить материал для возведения больших исторических зданий. В этих условиях стремление к историческому синтезу стало восприниматься как склонность к постановке слишком широких проблем, до которых наука еще не доросла. У молодого поколения ученых, формировавшихся под влиянием критических идей того же Куторги, складывалось убеждение в необходимости уточнения самих исторических фактов до того, как эти факты будут положены в основание какой-либо теории.

Античная история, основывающаяся в установлении своих фактов главным образом на данных античных текстов, многое могла бы получить в этом плане от той родственной дисциплины, которая этими текстами только и занимается, — от филологии. Однако сближению истории с классической филологией мешала традиционная ориентация этой последней на изучение эстетически значимых текстов, на их формальное лингвистическое, грамматическое или литературоведческое истолкование. Достаточно сослаться, в качестве примера, на знаменитую полемику Готфрида Германа, столпа формального грамматического направления в немецкой классической филологии, с другим выдающимся филологом Августом Бёком, который выступал против узости грамматического направления и ратовал за глубокое изучение жизни древних народов во всех ее проявлениях².

В России, в дополнение к этому, действовали и другие факторы, так сказать внешнего, ведомственного характера, которые тоже затрудняли сближение истории с классической филологией. Изучение античной истории велось преимущественно университетскими профессорами — М. С. Куторгой и его школой в Петербурге, Д. Л. Крюковым, П. М. Леонтьевым и учениками Т. Н. Грановского в Москве, М. М. Луниным в Харькове, между тем как средоточием филологических штудий была академическая кафедра греческих и римских древностей, которая вплоть до конца века замещалась

¹ О М. С. Куторге и его школе подробнее см. В. П. Бузескул, *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*, ч. I, Л., 1929, стр. 99 слл.; С. Н. Валк, *Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет*, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция истор. наук», Л., 1948, стр. 4, 6 слл.; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 474—492 (статья М. А. Алпатова); Э. Д. Фролов, *Русская историография античности (до середины XIX в.)*, Л., 1967, стр. 119 сл., 129—136; А. Д. Константинов, *Общественно-политические и историко-философские взгляды М. С. Куторги*, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 3, Изд-во Казанск. ун-та, 1968, стр. 113—144.

² См. В. П. Бузескул, *Введение в историю Греции*, изд. 3-е, Пг., 1915, стр. 252 сл.

приглашавшимися из-за границы, из Германии, филологами-классиками традиционного типа (Е. Е. Кёлер, Ф. Б. Грефе, Л. Э. Стефани, А. К. Наук)³.

Трудно сказать, как долго продолжались бы поиски путей к критическому обновлению самого основания науки о классической древности, если бы не пришла вдруг помощь со стороны. Интенсивные археологические изыскания вызвали к жизни в XIX в. ряд новых источниковедческих дисциплин и среди них — науку о надписях, эпиграфику. Тысячи греческих и латинских надписей, введенные теперь в научный оборот, дали исследователям возможность изучать древность на безусловно подлинной, строго документальной основе. Изучение надписей по необходимости потребовало комплексного подхода, применения одновременно приемов и методов филологической и исторической интерпретации. Именно эпиграфика сделала возможным жизненно необходимое для науки о классической древности взаимопроникновение истории и филологии, доставив историкам недостающий им строго фактический документальный материал, а филологам — повод соединить формальный анализ текста с его реальным истолкованием.

С этих пор начинается новый этап в развитии науки об античности. В Западной Европе эта реформация в области антиковедения была связана с деятельностью выдающихся эпиграфистов — А. Бёка, А. Кирхгофа, У. Кёлера, В. Диттенбергера, Т. Моммзена и др. А. Бёк еще в 1815 г. выступил с инициативой издания — заново и строго научным методом — всех греческих и латинских надписей, а затем и действительно начал публикацию первого большого свода греческих надписей («Corpus Inscriptionum Graecarum», vol. I—IV, 1825—1859). В работе над этим изданием, помимо Бёка, приняла участие И. Франц, Э. Курциус, А. Кирхгоф. С 1873 г. Берлинская Академия наук приступила к новому изданию греческих надписей; первые его тома с афинскими надписями, подготовленные А. Кирхгофом, У. Кёлером и В. Диттенбергером, составили «Corpus Inscriptionum Atticarum», а все издание в целом, включая тома с надписями, найденными за пределами Аттики, получило позднее название «Inscriptiones Graecae». К этим двум сводам добавился третий — предпринятое под руководством Т. Моммзена издание латинских надписей («Corpus Inscriptionum Latinarum», с 1863 г.)⁴.

Одновременно началось широкое использование надписей для углубленного исследования древней истории, при этом не только традиционных тем внешней, политической истории, но и не затрагивавшихся ранее сюжетов экономической, социально-политической и культурной жизни античности, для рассмотрения которых именно эпиграфика доставила впервые необходимый материал.

Аналогичного рода реформация вскоре началась и в русском антиковедении. Здесь зачинателями нового направления выступили ученые Петербургского университета, представители следующего после Куторги поколения — Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский и П. В. Никитин. При этом особенно велико было значение научной и преподавательской деятельности старшего из них Федора Федоровича Соколова (1841—1909)⁵.

³ Об академической кафедре классической филологии см. Фролов, ук. соч., стр. 109—113.

⁴ О развитии эпиграфики в первые три четверти XIX в. подробнее см. Бузескул, Введение..., стр. 246 слл., 311 слл.; о н же, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. II, Пг., 1924, 74 слл.; Н. И. Новосадский, Греческая эпиграфика, ч. I, изд. 2-е, М., 1915, стр. 58 слл.; А. А. Захаров, Очерк изучения римской истории во второй половине XIX и начале XX века, в кн.: Г. Ферреро, Величие и падение Рима, т. V, М., 1923, стр. 316 слл.

⁵ Для знакомства с жизнью и деятельностью Ф. Ф. Соколова основными пособиями являются: В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 370 сл. (из записки, представленной самим Соколовым); «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869—1894)», т. II, СПб., 1898, стр. 205 сл.; С. А. Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), СПб., 1909 (отд. оттиск из ЯМНП, 1909, сентябрь, отд. 4); И. И. Толстой, Памяти Ф. Ф. Соколова, «Записки Классич. отделения имп. Русск. археологич. о-ва», т. VI, 1910, стр. I—VII; Бузескул, Введение..., стр. 309 сл., 314 сл.; о н же, Всеобщая история..., ч. II, Л., 1931, стр. 132 слл.; Валк, ук. соч., стр. 21 слл.; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960, стр. 301 слл. (статья Э. К. Путьня).

Именно Соколов первым в России сформулировал принципиальное положение о необходимости строго фактического, в документах, исследования древности и он же одним из первых дал классические образцы такого исследования в своих эпиграфических работах. Более того, Соколову удалось создать целую школу русских эпиграфистов, удачно совмещавших в своем лице филологов и историков⁶. Этой школе суждено было занять ведущее место в дореволюционной русской науке об античности⁷.

Ф. Ф. Соколов первоначальное свое образование получил в петербургской духовной семинарии. В 1858 г. он поступил в Главный педагогический институт, но проучился здесь недолго, так как уже в следующем году институт был закрыт. Соколов перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, который и окончил в 1862 г. со степенью кандидата.

В университете Соколов специализировался по всеобщей истории, главным представителем которой был тогда М. С. Куторга. Правда, курса лекций по древней истории самого Куторги Соколов, в бытность свою студентом университета, не слушал. Как раз в эти годы Куторга дважды отправлялся в долговременную заграничную командировку и лекций в университете практически не читал. Замещавший его на кафедре проф. М. И. Касторский был фигурой достаточно бесцветной, да и читал он свой курс древней истории главным образом студентам юридического факультета, так что неизвестно, слушал ли вообще его лекции Соколов. Однако средневековую и новую историю читали на историко-филологическом факультете ученики Куторги М. М. Стасюлевич и Н. А. Астафьев, умевшие донести до слушателей дух новой, критической науки. Таким образом, хотя Соколов и не был учеником Куторги в собственном смысле слова, первоначальное его формирование как ученого, несомненно, проходило под сильнейшим влиянием и в русле созданного Куторгой научного направления⁸. По возвращении же Куторги из-за границы не было недостатка в возможностях и для личного общения Соколова со знаменитым профессором. Свидетельство тому, между прочим, можно обнаружить в магистерской диссертации Соколова, где автор благодарит Куторгу за доставленные ему сведения по литературе предмета⁹.

Вообще Соколов получил отличную специальную подготовку. Кроме собственно исторической он прошел еще и основательную филологическую школу под руководством превосходных классиков — эллиниста И. Б. Штейнмана и латинистов Г. И. Лапина и Н. М. Благовещенского, одного из крупнейших в дореволюционной России специалистов по римской словесности.

По окончании университета Соколов три года провел на педагогических курсах. Это время он использовал не только для подготовки к будущей преподавательской деятельности, но и для продолжения своих научных занятий, в частности для написания диссертации на степень магистра; темой была избрана древнейшая история Сицилии — с легендарных времен и до конца VI в. до н. э. Эту диссертацию Соколов защитил весной 1865 г., после чего был командирован для завершения своей научной подготовки еще на два года за границу. «Время это, — читаем мы в автобиографической записке Соколова, — провел он исключительно в Германии, стараясь пополнить пробелы в сведениях своих о Греции и Риме, для чего обращал особенное внимание на изучение греческих надписей с археологиею и историею искусства, знакомясь в то же время с поэтами греческой и латинской антологии, с «малыми» географами, греческими риторами II-го века по р. Х., римскими юристами древнего времени и разными схоластиками»¹⁰.

⁶ Среди них были такие выдающиеся ученые, как В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, С. А. Жебелев, И. И. Толстой.

⁷ Младшие ученики Соколова — Новосадский, Жебелев, Толстой — обеспечили преемственную связь поколений в советской период.

⁸ Формальным указанием на то, что Соколов не мог быть учеником Куторги, поскольку последний, в бытность Соколова студентом, находился за границей, ограничиваются: Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 5; В. П. Бузескул, Разработка древнегреческой истории в России, «Анналы», т. IV, 1924, стр. 144. Более правильное суждение высказывает Валк, ук. соч., стр. 15, 20.

⁹ Ф. Ф. Соколов, Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии, СПб., 1865, стр. 50 (прим. 59 к гл. I).

¹⁰ Григорьев, ук. соч., стр. 370.

В этой краткой заметке заслуживает быть отмеченным упоминание Соколова о первых своих занятиях греческой эпиграфикой. Впоследствии этот предмет займет центральное место в его научных занятиях, и соответственно исторические интересы его переместятся на более поздние эпохи — классическую и эллинистическую. Пока же, и за границей, его по-прежнему занимала история архаической Сицилии. К концу командировки у него уже окончательно сложился замысел следующую свою диссертацию посвятить истории ранней сицилийской тирании — династии Дейноменидов (рубеж VI—V вв. до н. э.). В письме родным из Берлина от 13/25 апреля 1867 г. он сообщал: «... Выбрал уже себе одним ударом тему для докторской диссертации. Буду себе писать о Гелоне и его братьях, Диноменидах, тиранах гелойских и сиракузских. У меня уже почти все собрано, что надо по этому предмету, даже план сочинения был составлен и все давно обдумано. Ведь я только самую небольшую часть того написал на магистра, что приготовил»¹¹.

Этот замысел остался, однако, неосуществленным. По возвращении из-за границы в 1867 г. Соколов приступил к чтению лекций по древней истории в своем родном университете. Разработка этого, а затем и других исторических курсов сильно увлекла его, и написание новой диссертации по Сицилии было отложено. Однако позднее явились иные интересы: Соколова увлекла работа по исправлению, на основании новых эпиграфических данных, устоявшихся в науке отдельных положений (особенно по хронологии классического и эллинистического времени), и до завершения диссертации о Дейноменидах руки все не доходили. Так Соколов и не написал докторской диссертации. Это, однако, не помешало сначала Историко-филологическому институту, где Соколов преподавал одновременно с университетом, а затем и университету, в уважение к его заслугам, избрать его на должность профессора¹². Значение научной деятельности Соколова было признано также и Петербургской Академией наук, которая в 1900 г. избрала его своим членом-корреспондентом. Помимо этого, Соколов состоял еще членом Русского археологического общества и принимал деятельное участие в работе его Классического отделения.

Вообще же жизнь Ф. Ф. Соколова не была богата внешними переменами. Большая часть времени уходила у него на преподавание в университете и в Историко-филологическом институте. К последнему его привязывало еще и исполнение обязанностей ученого секретаря конференции (в течение целых 20 лет, с 1871 до 1891 г.). Свободными у него оставались обычно лишь два летних месяца, которые и употреблялись на продолжение научных занятий. Это внешне столь размеренное существование нарушено было лишь однажды: летом 1880 г. Соколов ездил в Грецию для того, чтобы наладить эпиграфическую практику своих учеников, которых именно по его инициативе министерство просвещения стало направлять на стажировку в Грецию для полевых занятий древностями.

Внешне ничем особенным не примечательная жизнь Ф. Ф. Соколова была, однако, до предела наполнена непрерывным и напряженным научным трудом. Соколов выступал в печати нечасто, временами наступали периоды длительного молчания (например, между 1868 и 1876, а затем между 1886 и 1895 гг.). Однако написанным и опубликованным в конце концов оказалось не так уж мало¹³, главное же — все почти без исключения отличается замечательной глубиной и сохраняет свое значение и в наше время.

Уже первая печатная работа Соколова — его магистерская диссертация по истории Сицилии — свидетельствовала о большой учености и зрелости мысли молодого автора

¹¹ Цит. в кн.: Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 9.

¹² В Историко-филологическом институте Соколов был избран на должность экстраординарного профессора в 1870, а на должность ординарного профессора в 1883, в университете — соответственно в 1884 и 1890 гг.

¹³ Это, во-первых, изданная отдельно магистерская диссертация «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии» (СПб., 1865) — сочинение в 300 с лишним страниц убористой печати; во-вторых, 36 более или менее обширных статей, объединенных позднее, уже после смерти Соколова, его учениками в один увесистый том «Труды Ф. Ф. Соколова» (СПб., 1910) объемом почти в 700 страниц.

(Соколову было тогда 24 года). Тема для диссертации была выбрана даже для антиковеда достаточно редкая — история античной Сицилии в ее древнейший период, до расцвета там греческой культуры. Однако Соколов был настоящим исследователем, его всегда тянуло к темам малоизученным, к вопросам темным и запутанным, где открывалась возможность для самостоятельной работы. К тому же он уже тогда был убежден в необходимости полнокровного воссоздания исторического процесса, ибо это одно, как он считал, могло быть условием его адекватного понимания. «Полное право имеют сказать мне, — писал он в предисловии к диссертации, — что я выбрал предмет сухой, скучный и незначительный; что даже в своем периоде я отделил самую скучную, самую незначительную часть. Но точно также совершенно справедливо я возражу, что нет безусловно большого и безусловно малого; что нет ничтожной или никуда не годной истины; что такую именно часть мне необходимо было отделить, потому что необходимо было начать сначала»¹⁴.

Высказывая это убеждение в принципиальной равнозначности исторических сюжетов, в необходимости столь же обстоятельного разбора периодов, по общему мнению, скучных и темных, как и периодов блестящих, Соколов совершенно в духе признанных мастеров историописания, — таких, как Полибий, Макиавелли или Л. Ранке, — именно в подробной реконструкции прошлого видит прелесть и пользу исторического труда. По его мнению, «подробное изложение исторических событий легко может возбудить интерес, победить всякие предрассудки и доставить известность как самому сочинению, так и событиям, которые в нем излагаются <...>. Но в чем заключается интересное, подробное изложение? В том, разумеется, чтобы все сочинение представляло связный и цельный рассказ, чтобы читатель видел взгляд описываемого в сочинении общества на современные исторические события, впечатление, которое эти события производили, скрытые причины и видимые (ближайшие и отдаленные), следствия происшествий, тайные мотивы и явные предлоги действующих лиц, чтобы было яркое и ясное описание городов и земель, чтоб были представлены выдержки из подлинных документов, чтоб были подробно охарактеризованы современные поэты, юристы, историки и философы»¹⁵.

Магистерская диссертация Соколова — большой и оригинальный труд, который может служить образцом конкретного исторического исследования. В диссертации подробно рассматривались: история древнейших жителей Сицилии (главным образом сиканов и сикулов) до появления греков; затем, древнейшие сношения греков с Сицилией, основание греческих колоний в восточной части острова, расширение территории и политическое состояние этих колоний в VIII и VII вв.; наконец, отношения греков к сикулам в эти же века и религия сикулов. По справедливому отзыву С. А. Жебелева, это была для своего времени «первая вполне научная, обстоятельная и самостоятельная работа по древнейшему периоду истории Сицилии во всей европейской литературе»¹⁶.

Уже в этой первой работе проявилась самостоятельность Соколова как исследователя. Выступая вслед за Куторгой в русле утвердившегося критического направления, воздавая должное заслугам своих предшественников, Соколов вместе с тем — и это тоже роднит его с Куторгой — здраво судит об уже обозначившихся недостатках победившей на Западе критической школы. Подобно Куторге он протестует против укореняющегося гиперкритицизма, против излишнего недоверия к античной традиции и обусловленного этим увлечения критикой и исправлением текста древних авторов. Создавая всю ответственность своего выступления против непререкаемого в то время авторитета западноевропейских, в первую очередь немецких филологов-классиков, Соколов замечает: «Ведь это чистый бунт, восстание начинающего ученика против заслуженных и почтенных учителей. Но учиться у них я не перестал и не перестану, а все-таки, ради истины, считаю долгом указать на ту неправду, которая гнездится по местам в их сочинениях. Мне кажется, что ее можно разделить на три главные формы: фикции догадок об исторических фактах, фикции догадок в исправлении текста древних писателей и

¹⁴ Соколов, Критические исследования..., стр. 2.

¹⁵ Там же, стр. 4 сл.

¹⁶ Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 20.

фикции излишнего неверия и скептицизма. Все это происходит от смелости при обращении с древними писателями, смелости, которая легко образуется от привычки видеть в древних сочинениях массы лжи, ошибок и недоразумений¹⁷. И далее он приводит убедительные примеры всех указанных им видов ученой «неправды».

Это понимание задач и возможностей научной критики поражает в молодом ученом и делает его достойным, т. е. способным к самостоятельному продолжению, восприимчивым заложенного Куторгой в Петербурге научного направления. Великолепно охарактеризовал эту черту в Соколове С. Н. Валк: «Ф. Ф. Соколов, подобно Куторге, выступает под знаменем исторической критики, но исторический критицизм для него уже не откровение, а прочно приобретенное научное наследие, и это дает ему возможность выступить с первого же своего шага на научном поприще в положении не восторженного неопита этой критики, а уже в качестве антикритика ее новейших извращений»¹⁸. Заметим только, что и в деле антикритики образцом для Соколова мог быть все тот же Куторга, который тоже поднимал уже голос против крайностей гиперкритицизма¹⁹.

Диссертация Ф. Ф. Соколова интересна не только тем, что по ней можно судить о научных взглядах молодого автора; она содержит также материал, позволяющий вынести суждение и о его взглядах политических. Замечательно выдвинутое Соколовым именно в связи с углубленным рассмотрением культуры догреческого населения Сицилии положение о том, что надо изучать историю не только «победителей», но и «побежденных». Приверженностью к высоким гуманистическим идеалам продиктованы его заявления о том, что греческая колонизация была в сущности «цивилизированным притеснением» местных племен, что эти племена до прихода греков вовсе не стояли на стадии «новозеландской дикости», как утверждали Дж. Грот и некоторые другие западные историки, что, напротив того, туземцы Сицилии успели создать собственную оригинальную культуру, развитие которой было насильственно прервано вторжением греков²⁰. Эти общие положения затем великолепно подтверждаются Соколовым на материале религии сикулов. Вообще надо заметить, что в научной литературе того времени нигде с такой полнотой не разобраны вопросы этногенеза, истории и культуры древнейших жителей Сицилии, как это сделано в магистерской диссертации Ф. Ф. Соколова.

Как было уже сказано, начало преподавания в Петербургском университете сильно увлекло Соколова в сторону от занятий Сицилией. Именно в связи с разработкой подробного курса греческой истории стояло опубликование им второй большой работы, посвященной проблеме Гомера²¹. В сочинении, далеко превзошедшем обычный объем журнальной статьи, молодой петербургский ученый подверг самому строгому и, можно сказать, беспощадному разбору все многочисленные построения по гомеровскому вопросу, возникшие со времен Ф. А. Вольфа. По своим взглядам Соколов — и в этом он опять сходен с Куторгой — убежденный унитарий. Он решительно отвергает доводы, выдвинутые новейшими критиками Гомера, и признает гомеровские поэмы произведениями едиными, цельными, принадлежащими несомненно одному автору. «Единство „Илиады“ и „Одиссеи“, — заявляет он в заключение своего разбора, — есть также, строго говоря, гипотеза, но она стоит на несравненно более твердых основаниях, чем их дробность: она стоит на общем предании древности, на единстве дошедшего до нас текста, на художественной целостности поэм. Доказать свое мнение должен тот, кто восстает против единства, так как он говорит и против предания, и против существующего факта. *Opus probandi* лежит на противниках единства. Мы можем быть вполне уверены, что они падают под тяжестью этой задачи»²².

Хотя спор о Гомере не окончился и после Соколова, нельзя не заметить, что с тех пор многое — и открытие Г. Шлиманом Трои, и обнаружение и прочтение древнейшей

¹⁷ Соколов, Критические исследования..., стр. 24 сл.

¹⁸ Валк, ук. соч., стр. 21.

¹⁹ См. Фролов, ук. соч., стр. 134.

²⁰ Соколов, Критические исследования..., стр. 230 слл.

²¹ Ф. Ф. Соколов, Гомеровский вопрос, в кн. «Труды Ф. Ф. Соколова». СПб., 1910, стр. 1—148 (первоначально в ЖМНП, 1868, ноябрь и декабрь).

²² «Труды Ф. Ф. Соколова», стр. 148.

(от II тыс. до н. э.) греческой письменности — укрепило позиции тех, кто судил о Гомере в согласии с античным преданием. Предсказанию Соколова, столь решительно сформулированному в конце его статьи о гомеровском вопросе, похоже, суждено будет сбыться...

С начала 70-х гг. Соколов все более обращается к эпиграфике, которая постепенно становится главным предметом его научных занятий. В 1876 г. он публикует свою первую эпиграфическую статью «Замечания о списках дани союзников афинских»²³. Это пока еще общий обзор большой группы надписей, сохранивших списки подати, которую афиняне взимали со своих союзников во времена Первого Афинского союза. С самого начала Соколов указывает на исключительную важность рассматриваемого им эпиграфического материала. Сожалея, что эти надписи дошли до нас в обломках, он замечает: «Если бы мы имели полные списки дани, взятой афинянами с подвластных городов, за все годы афинской власти, то у нас были бы драгоценные и документальные сведения как об отношениях афинян к союзникам, о крепости и продолжительности афинской власти, так и об относительном богатстве каждого города, о материальных средствах значительной части греческого мира»²⁴.

Однако и в нынешнем своем виде эти надписи, по мнению Соколова, представляют ценный источник сведений, позволяющий уточнить наши представления по таким именно поводам, где литературная традиция оказывается недостаточной. Особо подчеркивает Соколов значение цифровых данных: «Всего важнее в списках дани статистические цифры, которые могут быть из них выведены: мы так мало имеем статистического материала в древней истории, что всякая достоверная цифра драгоценна»²⁵.

Хотя статья имеет целью дать общую характеристику избранной группе греческих надписей, автор, будучи внимательным наблюдателем, уже делает ряд конкретных выводов. Так, просматривая перечень взносов греческих городов Малой Азии (Мирина, Кима, Клазомены и др.), Соколов отмечает, что «в территории многих малоазийских городов существуют под афинскую власть отдельные общины, платящие особую дань афинянам». Отсюда он делает важный вывод о политике афинян: «В списках дани видны следы стремления афинян ослабить большие подвластные им города раздроблением на несколько общин»²⁶.

От общих обзоров и отдельных замечаний Соколов скоро перешел к монографическим исследованиям, стараясь на основе скрупулезного анализа надписей пролить новый свет на еще неясные периоды или события древней истории. При этом его особенно привлекало время эллинизма — III и отчасти II вв. до н. э., где как раз оставалось много темных пятен и где все умножающийся эпиграфический материал мог дать новые отправные точки для наступления на эти пятна. В 1879 г. Соколов печатает большую статью «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского». Здесь он заново разобрал и разъяснил содержание большой афинской надписи (СИА, II, 1, № 161), неправильно понятой У. Кёлером и И. Г. Дройзеном.

Надпись содержит декрет афинян в честь некоего Аристомаха из Аргоса, в ней упоминается также о совместной войне афинян и аргивян против какого-то Александра. Кёлер, а вслед за ним и Дройзен отождествили этого Александра с Александром Македонским и отнесли надпись к 336 г. до н. э., когда, после смерти Филиппа, в Греции грозило начаться антимакедонское движение. Однако Соколов доказал, что чествуемый афинянами Аристомах мог быть только Аристомахом Старшим, аргосским тираном середины III в. до н. э., а совместная война афинян и аргивян против Александра — войной против Александра, сына Кратера, племянника македонского царя Антигона Гоната. Эту войну афиняне и аргивяне вели как союзники Антигона Гоната, от которого

²³ «Труды Ф. Ф. Соколова», стр. 149—156 (первоначально прочитана в качестве доклада на II Археологическом съезде в Петербурге в декабре 1871 г., а затем опубликована в «Трудах» съезда, вып. I, СПб., 1876, отд. 3).

²⁴ «Труды Ф. Ф. Соколова», стр. 149.

²⁵ Там же, стр. 152.

²⁶ Там же, стр. 153.

отложился Александр, сын Кратера. Само постановление было отнесено Соколовым предположительно к 254 г. до н. э.²⁷

Статья о афинском постановлении в честь Аристомаха Аргосского — первая фундаментальная работа Соколова, выполненная на основе эпиграфического материала. В нем не только разъяснен смысл избранного документа, но и внесены — именно на основании этой интерпретации — необходимые коррективы в наши представления о той исторической обстановке, к какой этот документ относится. Эта работа показала, прежде всего самому Соколову, какие большие возможности открываются перед исследователем античности при надлежащем использовании эпиграфического материала. Несколько лет спустя в большой актовой речи в Петербургском историко-филологическом институте, целиком посвященной обзору III в. до н. э. (1886 г.), Соколов уже прямо заявляет об основополагающем значении данных надписей: «Эти камни становятся действительно краеугольными камнями всей науки классической древности. На них должно быть выводимо всякое историческое построение». И дальше он формулирует основной принцип источниковедческой работы антиковеда: «Два главные правила исторической критики: текст авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно и слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот, текст официальных актов, надписей должно толковать самым близким и точным образом. Из камней мы можем делать далекие и все-таки верные заключения, так как сохранившиеся вполне достоверно доказывают существование такого факта, который необходимо связан с сохранившимся, если мы можем доказать, что одно без другого не могло быть»²⁸.

По роду своей деятельности Ф. Ф. Соколов был прежде всего университетским профессором. К чтению курса древней истории он относился с исключительной серьезностью и практически подчинял свои научные занятия задачам этого курса. В печатных работах он обычно обосновывал те свои взгляды по отдельным поводам, которые он высказывал в университетском курсе. Так обстояло дело уже со статьей по гомеровскому вопросу. В этой же связи, т. е. в связи со стремлением доставить дополнительное обоснование высказанным в университетском курсе спорным положениям, стояло большое научное предпринятие, к исполнению которого Соколов обратился в последние годы жизни²⁹. Это был замысел написать до 45 исследовательских статей по темным и спорным вопросам античной истории. Статьи должны были публиковаться в отделе классической филологии «Журнала министерства народного просвещения» под общим заглавием «В области древней истории»³⁰. С 1897 г. Соколов успел напечатать 22 таких этюда; лишь смерть прервала поток этих его в высшей степени ценных публикаций.

Статьи из цикла «В области древней истории» касаются самых разнообразных вопросов античной, преимущественно греческой истории. Хронология так называемого Пятидесятилетия (периода греческой истории от решающих побед в войнах с персами до начала Пелопоннесской войны, т. е. с 479 до 431 г. до н. э.), статус афинских военных колонистов-клерухов, взаимоотношения лакедемонян с их союзниками после Пелопоннесской войны, отношения между Македонией и халкидическими городами в первые десятилетия IV в. до н. э., организация общегреческих пифийских и немейских празднеств, конституция Этолийского союза, хронология событий греческой истории III и римской истории IV в. до н. э., — таков далеко не полный перечень сюжетов, затронутых в этих статьях.

В большинстве случаев поводом к пересмотру какого-либо исторического вопроса служит для Соколова новый эпиграфический или иногда также папирусный документ. Ясная постановка вопроса, исчерпывающая характеристика нового памятника (доку-

²⁷ Там же, стр. 249.

²⁸ На связь публикаций Соколова с его работой над университетским курсом справедливо обратил внимание А. М. Ловягин (см. его рецензию на «Труды Ф. Ф. Соколова» в журнале «Гермес», 1910, § 14, стр. 350).

²⁹ Первоначально Соколов обещал заведующему отделом классической филологии ЖМНП В. К. Еришtedту 45 статей, но, как оказалось, задумано им было статей еще больше: С. А. Жебелев обнаружил в бумагах своего покойного учителя листок, где было перечислено 60 намеченных к исследованию тем (Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 26 сл.).

мент нередко приводится полностью в оригинале и сопровождается возможно точным переводом), критическая проверка наличной традиции в связи с появлением нового источника и, наконец, на этой основе, уточнение старого или установление нового исторического факта, — таковы примечательные черты этих этюдов Соколова. Добавим к этому превосходную манеру изложения — ясную, неспешную и вместе с тем предельно лапидарную. Статьи Соколова — не только образцовые ученые сочинения; они являются также великолепным памятником русской научной прозы.

Мы упоминали о связи ученых занятий Соколова с его университетской практикой. Пора, наконец, обратиться к обзору и этой части его деятельности. В Петербургском университете и в Историко-филологическом институте Ф. Ф. Соколов читал курсы античной истории, то общие, — Греции и Рима вместе, — то специально одной лишь греческой истории. Свой первый преподавательский год Соколов открыл именно таким специальным курсом по истории Греции. О характере этого курса — строго научного, критического именно в духе того направления, которое заложил в Петербургском университете Куторга — можно судить по следующему отчету самого Соколова: «Первая половина специального курса греческой истории <...> посвящена была исчислению и разбору источников греческой истории (писателей, надписей и памятников неписменных), причем из надписей важнейшие по содержанию были разобраны, некоторые, как образец юридических форм, приводимы были вполне, а самые древние были рассмотрены как источники для истории греческой азбуки; из памятников неписменных исчислены были все здания (или развалины их) и все статуи и рельефы, несомненно принадлежащие к древнейшему времени (до конца V-го века перед р. Х.), а из сосудов и монет — почему-либо особенно замечательные. Вторая половина курса имела предметом разбор некоторых спорных вопросов из древнейшей греческой истории, как вопрос о Гомере, о разных толкованиях мифов, о времени основания колоний и т. д., причем были приводимы и подробно обсуживаемы все места древних писателей, служащие источниками, и взвешиваемы главные доводы новых ученых, представителей разных сторон в споре»³⁰.

Сохранился ряд гектографированных изданий этих курсов по запискам студентов³¹. Все они свидетельствуют об исключительном богатстве того материала, который Соколов предлагал на лекциях своим слушателям. И здесь он следовал тем главным правилам, которые были сформулированы им еще в магистерской диссертации. Изложение должно быть предельно подробно, ибо «факты исторических событий, только во всех своих подробностях взятые, и в связи со всеми предшествующими и последующими событиями, только тогда могут быть узнаны как следует»³². Ценность самих фактов велика именно потому, что многие общие теории сомнительны: «В истории подвести все под общие начала нельзя; еще будет значительный остаток — элемент личности человеческой»³³. Однако факты древней истории не даны нам в готовом виде, их надобно установить: историк древности, как и любого другого раздела истории, «не освобождается от обязанности доказать изучаемый факт»³⁴. Реконструкция должна быть «возможно полной и достоверной, а для этого необходимо! использовать — при соответствующей критической проверке — весь без исключения дошедший до нас исторический матери-

³⁰ Григорьев, ук. соч., стр. 370 сл.

³¹ В библиотеке Ленинградского университета хранится до полдюжины таких изданий, а именно, курсов античной истории в целом — от 1882/3, 1884/5, 1888/9 (?), 1899/1900, 1908/9 (?), отдельного курса греческой истории — от 1880/81 учебного года. Конспект последнего курса отличается особенной подробностью и предоставляет наилучшие возможности для суждения об университетских чтениях Соколова. Вот описание этого издания: История Греции. Лекции Ф. Ф. Соколова. 1880/81 учебн. год. [СПб.]. Изд. Дмитрий Сперанский. [1884]. 1056 + 10 стр. На обороте титульного листа значится: «Издание по запискам 1878/9 учебн. года с надлежащими исправлениями и дополнениями применительно к чтениям настоящего 1880/81 года». За конспектом курса (стр. 1—1056) следует его программа (стр. 1—9 новой нумерации). Изложение в конспекте доведено до смерти спартанского царя Агесилая (359 г. до н. э.).

³² Соколов, История Греции, стр. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 7.

ал. При этом очевидно, что преимущественное значение перед всеми другими видами источников имеют документы, надписи: «Лучше всего доказываются исторические события не столько мемуарами, сколько официальными документами, которые уже сами по себе носят характер достоверности»³⁵.

Построенные с учетом таких требований, лекции Соколова могли быть замечательным введением в науку древней истории для всякого, кто захотел бы познакомиться с ней поближе. Однако желающих дойти до такого близкого знакомства никогда не было особенно много. Поэтому подробные, отягощенные критическим разбором свидетельств и мнений лекции Соколова не пользовались успехом в массовой студенческой аудитории. Слушатели именно жаловались на перегруженность лекций Соколова фактическими подробностями, на игнорирование лектором общих построений, которые могли бы облегчить неспециалистам усвоение его предмета. Эти обвинения выглядели тем более обоснованными, что сам профессор ни на шаг не желал отступить от своих принципов и проводил их в жизнь, не считаясь с незаинтересованностью или неподготовленностью своих слушателей. Ответом со стороны студенческой массы являлась неприязнь к лекциям «ученого педанта», неприязнь, которая порождала искаженное представление о методе Соколова — о его сугубом фактопоклонничестве, о каком-то особом скепсисе, о безусловной враждебности его любым проявлениям теоретической мысли³⁶.

Исчерпывающим образом на эти обвинения ответил в свое время один из самых выдающихся учеников Соколова Сергей Александрович Жебелев: «Если сказать откровенно, лекции Ф. Ф. [Соколова] были так подробны, так обстоятельны и так исчерпывали предмет с фактической стороны, что при желании, при работе и при вдумчивом отношении к сообщенному материалу „общие построения“ <...> могли бы быть без особого труда выведены сами собою. Но, конечно, для этого требовалась работа, и работа настойчивая, со стороны самих слушателей, а помощи со стороны профессора — не будем греха таить — давалось при этом мало. Было ли худо или хорошо такое ведение дела? Знаю, что огромное большинство скажет — „худо“. И я не намерен быть апологетом манеры чтения лекций Ф. Ф., но считаю себя вправе сказать одно: в университетском преподавании, в особенности в преподавании такого центрального предмета, каким является история, должны быть, по моему разумению, представлены всякого рода манеры и методы; и если одни из преподавателей клонят свое преподавание главным образом в сторону „общих построений“ и правы с своей точки зрения, то почему другим преподавателям не вести дела и по противоположному направлению? Сознательные студенты, которые пришли в университет учиться и усовершенствоваться в своем развитии, сумеют или должны, по крайней мере, суметь разобраться в этих различных направлениях метода преподавания, и они изберут то, к чему более питают склонности»³⁷.

Кроме более или менее общих курсов по античной истории, Соколов читал еще в университете специальный курс по греческим государственным и религиозным древностям, освещающий таким образом, наряду с фактами истории еще и важнейшие институты древнегреческого общества³⁸. Как всякий классик, Соколов читал со студентами и древних авторов. Однако особое значение в плане подготовки будущих специалистов-антиковедов имели практические занятия эпиграфикой, которые он на протяжении многих лет регулярно, из года в год, по пятницам, вел у себя на дому с избранным кругом уче-

³⁵ Там же, стр. 6.

³⁶ Примерами могут служить отзывы В. А. Поссе и В. В. Вересаева, слушавших Соколова в одно время (1884/85 г.) (В. А. П о с с е, Пережитое и продуманное, т. I, Л., 1933, стр. 94; В. В. В е р е с а е в, Собр. соч., т. 5, М., 1961, стр. 201—204).

³⁷ Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 43.

³⁸ Кроме курсов по античной истории и древностям Ф. Ф. Соколову приходилось одно время читать и курс истории древнего Востока. Читал он этот курс по обязанности, ибо некому больше было читать, читал, как он сам признавался, «с краскою на ланигах», потому что не чувствовал себя хозяином в области, где не мог дойти до первоисточников. Это неприятное для Соколова положение продолжалось до тех пор, пока не появился в университете настоящий специалист по древнему Востоку Б. А. Тураев. См. Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 40 сл.; он же, Из университетских воспоминаний, «Анналы», т. II, 1922, стр. 179.

ников. «Занятия эти, — вспоминал позднее С. А. Жебелев, — заключались в чтении и объяснении греческих надписей большею частью по сборнику Диттенбергера <...>. В течение двух лет, в которые я участвовал на „пятницах“, был прочтен и объяснен весь Диттенбергер (тогда было еще только 1-ое издание). Количество участников в занятиях было неодинаковое (свыше восьми оно, при мне, во всяком случае, не доходило), регулярных посетителей было двое-трое <...>. Каждый из участников по очереди прямо должен был переводить, не читая вслух греческого текста, пришедшуюся на его долю надпись <...>. Перевод требовался точный, буквальный; ошибки при переводе, конечно, исправлялись и объяснялись. Или по прочтении всей надписи (если она была не очень большая), или по мере чтения ее давались Ф. Ф. ее объяснения, иногда с очень подробными экскурсами и отклонениями; иной раз этих объяснений Ф. Ф. требовал и от переводившего надпись. Дело велось не спеша, никакая деталь, как бы она ни была незначительна, не оставлялась без всестороннего разъяснения»³⁹.

Велико было значение этих домашних семинаров Ф. Ф. Соколова. Именно здесь, при занятиях надписями, его ученики окончательно проникались убеждением в необходимости строго научного изучения античной истории, т. е. исследования событий и фактов этой истории по первоисточникам, по документам. Здесь же они свладевали необходимыми для такой работы приемами историко-филологической критики.

Не довольствуясь этим, Соколов выступил с инициативой и добился от министерства просвещения регулярного командирования в страны классической культуры, в первую очередь в Грецию, своих наиболее перспективных учеников, с тем чтобы они там, так сказать на месте, завершали свою археологическую (в широком смысле слова) и эпиграфическую подготовку. Чтобы наладить эту необычную практику, он сам в 1880 г. на короткое время съездил в Грецию. Первыми справились на стажировку в том же году В. К. Ернштедт и В. В. Латышев, за ними последовали Д. Н. Корольков, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, А. Н. Жукарев, Р. Х. Лепер, С. А. Селиванов, все ставшие затем крупными оригинальными учеными того именно типа, который был воплощен в их учителе. Последний не оставлял их своим вниманием и советами ни тогда, когда они были за границей, ни тогда даже, когда они стали совершенно самостоятельными специалистами⁴⁰. На правах старшего друга и прежнего наставника он подверг внимательному, вполне дружескому, но вместе с тем весьма взыскательному разбору первые большие труды А. В. Никитского, С. А. Жебелева и В. В. Латышева⁴¹. Рецензии Соколова на работы этих молодых ученых — замечательный образец продолжающегося руководства старшим ученым научной работой своих младших коллег.

Вообще ученая и преподавательская деятельность Ф. Ф. Соколова должна быть признана в высшей степени плодотворной именно потому, что он не только сам сумел многое сделать, но и подготовил к тому же целую плеяду учеников, которые еще при жизни учителя показали себя достойными продолжателями заслуженных им традиций. Для примера укажем на замечательное предприятие — издание свода античных надписей Северного Причерноморья, осуществленное под эгидой Русского археологического общества, при посредничестве Ф. Ф. Соколова, одним из его старших учеников В. В. Латышевым. Идея этого издания возникла еще в 70-х гг., и первоначально в исполнители замысла предназначался сам Ф. Ф. Соколову возможность самому осуществить труды, связанные с преподаванием, не дали Соколову возможности самому осуществить этот проект, и тогда, в 1882 г., он предложил Археологическому обществу доверить исполнение намеченного труда В. В. Латышеву⁴². Общество согласилось с рекомендацией Соколова, и результатом явилось эпиграфическое издание, равных которому до

³⁹ Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 47 сл.

⁴⁰ Свидетельством этих отношений может служить обширная переписка Ф. Ф. Соколова с его учениками. Автор этой статьи, знакомясь однажды с академическим архивом А. В. Никитского, обнаружил несколько интересных писем Соколова к этому своему питомцу. Возможно, что в личных архивах других учеников Соколова также сохранились отдельные его письма, могущие представлять историографический интерес.

⁴¹ См. «Труды Ф. Ф. Соколова», раздел «Критические статьи» (стр. 573—660).

⁴² Для истории дела см., в частности: И. И. Толстой, Памяти Ф. Ф. Соколова, стр. IV—VI, где даны выдержки из переписки Общества с Соколовым.

сих пор нет в отечественном антиковедении, — «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*», в трех больших томах, включивших в себя свыше 1200 греческих и латинских надписей в отличном воспроизведении, с превосходным филологическим и историческим комментарием ⁴³.

Оценивая деятельность Ф. Ф. Соколова, мы должны признать за ней значение важной вехи в истории русской науки об античности. Соколов не только сознавал вообще необходимость строго научного, критического изучения древней истории. Это сознание и стремление действовать в соответствующем духе были свойственны уже М. С. Куторге. Особая заслуга Соколова состояла в том, что он первым в России правильно оценил значение эпиграфического документа как того вида исторического материала, который может дать гарантию достоверности научной реконструкции — при условии, конечно, надлежащей комплексной историко-филологической интерпретации этого материала. В целом ряде своих работ Соколов великолепно показал, как надо заниматься историческим исследованием на основе анализа документа. Более того, введя в обиход университетского преподавания эпиграфику, он сумел воспитать в своем духе целую школу учеников, которые многочисленными своими трудами содействовали укоренению соколовского историко-филологического направления в отечественном антиковедении.

Ученая и преподавательская деятельность Ф. Ф. Соколова — необходимый этап в развитии нашей науки об античности. Несправедливы повторяющиеся до сих пор рассуждения о каком-то особенном фактопоклонничестве Соколова ⁴⁴. Они порождены недоразумением или, говоря прямо, непониманием логики отдельного исторического исследования, закономерности развития науки истории в целом. «Стремление отыскать общую связь и внутренний смысл частных и разнообразных явлений, — цитирует С. А. Жебелев слова Соколова, — вполне естественно и законно. Когда такое стремление достигает в каком-нибудь вопросе своей цели, является полное, глубокое знание; читать такое исследование, где автору удалось отыскать эту тайную внутреннюю связь, где является истинное философское знание, есть высокое наслаждение». Однако «успех здесь дело не легкое. Если попытка не удастся, все испорчено, факты окрашены в один цвет или изуродованы и происходит вредное и упорное ослепление <...>. Философское воззрение предполагает полнейшее и всестороннее приготовительное изучение предмета» ⁴⁵.

Соколов был абсолютно прав в своем убеждении, что любое историческое исследование должно начинаться с реконструкции факта. Последний никогда не бывает дан в готовом виде; его необходимо воссоздать с помощью наиболее достоверного материала, т. е. лучше всего по документам. В принципе это верно даже для тех случаев, когда ученый, кажется, может опереться на работу своих предшественников и когда, благодаря этому, возникает соблазн, минуя стадию «черновой» аналитической работы, прямо приступить к синтезу. Тот, кто поддается такому соблазну, поневоле оказывается в зависимости от чужой воли; мало того, отказом от самостоятельной реконструкции интересующих его фактов он лишает свою работу естественной предпосылки, своего рода

⁴³ В наше время переизданы пока только лишь боспорские надписи («Корпус боспорских надписей», М. — Л., 1965).

⁴⁴ Ср. соответствующий пассаж о Ф. Ф. Соколове в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 301 сл. Здесь опять утверждается, что «деви́зом» Соколова было «описание индивидуальных исторических фактов в возможно больших количествах» и что «такое понимание задачи исторической науки привело исследователя к прямому отрицанию научных обобщений». Между тем уже С. А. Жебелев с достаточной полнотой разъяснил, что смысл «фактопоклонничества» Соколова состоял не в сведении исторического исследования к изучению отдельных фактов, а в создании, путем правильной реконструкции этих фактов, необходимого условия для последующего теоретического обобщения. См. С. А. Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 29 слл.

⁴⁵ См. извлечение из отчета Ф. Ф. Соколова о заграничной командировке, ЖМНП, ч. 129, 1866, январь—март, отд. 3, стр. 88; ср. Жебелев, Ф. Ф. Соколов (1841—1909), стр. 29 слл.

инерции, столь важной для спонтанного развития мысли. В России в XIX в. выполнение этих условий было тем более необходимым, что работа по воссозданию реальной подосновы в любой области исторического знания все еще была впереди, и Соколов начал с того, с чего он должен был начать, — с достоверной реконструкции исторического факта.

Э. Д. Фролов

F. F. SOKOLOV AND THE BEGINNINGS OF HISTORICO-PHILOLOGICAL
METHOD IN RUSSIAN STUDIES ON ANTIQUITY

E. D. Frolov

The research and teaching carried on by the St. Petersburg professor F. F. Sokolov (1841—1909) mark an important advance in Russian studies on antiquity. Not only Sokolov was aware of the necessity for a strictly scientific and critical approach in this field. His awareness and his determination to apply these principles in practice were qualities also of his predecessor in the chair of world history at St. Petersburg, M. S. Kutorga (1809—1886). Sokolov's special contribution was that he was the first in Russia to grasp the importance of the epigraphical document as a kind of historical source material which, if handled properly, i. e. with sufficient knowledge of the pertinent historical and philological context, can ensure authenticity in reconstruction. In a whole series of studies Sokolov demonstrated magnificently the value of correct document-analysis in historical research. Moreover he was able to train in this spirit a whole school of specialists, among them such first-class scholars as V. V. Latyshev, A. V. Nikitsky, N. N. Novosadsky, S. A. Zhebelev and I. I. Tolstoi.